

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОМ ВАРЬИРОВАНИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

(На материале армянского и славянских языков)

ЛЮДВИГА САРАДЖЕВА

Сравнительное исследование лексики армянского и славянских языков имеет важное значение для восстановления «доисторических реалий», в частности, экономического устройства индоевропейской глоттоформной общности, в том числе такой важной отрасли человеческой деятельности, как земледелие¹. Сопоставление всех фактов дает возможность восстановить такой этап хозяйственной деятельности индоевропейцев, когда наряду с развитым скотоводством существовали и начала земледелия².

Центральным вопросом нашей статьи, естественно, представляется история древнейшего слоя индоевропейской земледельческой терминологии и анализ соответствующих экстралингвистических фактов.

Изучение лексического состава древних языков дает возможность проследить историю развития различных сфер культуры. Первоначально слабо дифференцированные в своих значениях слова последовательно специализируются и образуют системы, отражающие глубинный процесс возникновения новых родов деятельности и новых понятий, напряженные поиски рационального проникновения в суть окружающего мира. Умение и эмпирический опыт индоевропейцев эпохи IV—III тысячелетий до н. э. в значительной мере остаются в тени, поэтому так важны

¹ Индоевропейская глоттоформная общность, как установил Дюмезиль, имела тенденцию к тому, чтобы члениться по трем функциям: жреческой (др.-инд. *brāhmaṇ*, авест. *āθrauan*, греч. *θεῖον*, умбр. *arstvo*), воинской (др.-инд. *kṣatriya*, авест. *raθaešta*, греч. *ἄρχοντες*, умбр. *perfi*), земледельческой (др.-инд. *vaiśya*, авест. *vāstryo fšuant*, греч. *Ἄρχοντες*, умбр. *uero pequo casiruo frif*). См. G. Dumézil, *L'étude comparative des Religions Indoeuropéennes* („Nouvelle Revue française“, 29, 1941, pp. 385—399). Ср. также S. Wikander, *Der arische Männer Bund*, Lund, 1938; Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, Проблемы определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общиндоевропейского языка (в кн.: «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков». Предварительные материалы, М., 1972).

² Из новейших работ, относящихся к нашей теме, отметим: K. Moszynski, *Kultura ludowa Prastowian*, t. I—II, wyd. 2, 1967—68; В. Ф. Коннова, Несколько лексико-семантических изоглосс на славянской языковой территории („Вопросы языкознания“, 1972, № 5); Sędzik Wł., *Prastowianska terminologia rolnicza. Roslinny uprawne, użytki rolne*, Wrocław, 1977; К. Х. Кушнарева, О времени становления пашенного земледелия на Южном Кавказе („Чашма-рашми-шаршан-шаршан-шаршан“, 1977, № 4).

данные, характеризующие историю их хозяйственной деятельности. Таким образом, глоттогенетические вопросы являются существенной частью этногенетического процесса.

Представляется целесообразным изучаемую лексико-семантическую группу, отраженную в армянском и славянских языках, рассмотреть в следующей последовательности: обозначения а) возделываемого объекта, б) сельскохозяйственных орудий, в) способов обработки, г) результатов обработки (сельскохозяйственные растения и продукция).

Слова, относящиеся к первой группе, имеют широкий круг значений, связанных с хозяйственной деятельностью человека. Непременным условием для развития земледелия является наличие участков, удобных для обработки, с целью выращивания соответствующих растений. Экологическая зона³, в которой жили индоевропейцы, отличалась разнообразием природных условий⁴: было много неплодородных сухих земель, земель, покрытых лесом или зарослями, а также затопляемых болотистых низин. Подготовка земли для возделывания была сопряжена с большими трудностями, о чем, по-видимому, *ad hoc* свидетельствует отражение в развитии значений слов, восходящих к и.-е. *dherbh-, арм. *derbuk* «неровное, труднопроходимое, каменистое место», ст.-сл. *дѣбрь*, рус. *дебри* «непроходимый лес, чаща», греч. *εσχατος* «ущелье, обрыв, пропасть»⁵.

Неразвитостью земледелия в эпоху индоевропейской общности и различиями в земледельческой практике, связанными с неодинаковостью природных условий (в том числе ландшафтно-географической среды), можно объяснить тот факт, что общего обозначения для возделываемого поля-нивы в индоевропейскую эпоху не было⁶. Из индоевропейских названий *нивы* каждое является общим лишь для небольшой группы языков.

³ Уже в глубокой древности наметились различия в темпах исторического прогресса двух экологических зон: зоны, где земледелие основано на сезонных осадках, и зоны с искусственным орошением. Самые древние централизованные государственные образования и города Старого Света сложились в IV—III тысячелетиях до н. э. на основе интенсивного орошаемого земледелия зерновых культур с регулированием паводков крупных рек. В то время как «речные цивилизации» Египет и Вавилония имели не менее чем тысячелетнюю историю государственности и классового развития уже к началу II тысячелетия до н. э., общество Эгейского моря (Крит, Балканы, острова Эгейского моря) только еще входило в эпоху государственности: С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной этнографии («Советская этнография», 1960, № 6, стр. 20); Г. Чайльд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964.

⁴ М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 63.

⁵ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, М., 1964—1973, т. I, стр. 490; J. Pokorny, Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern. 1949—1959, S. 257, восстанавливает для и.-е. *dherbh- значение «работать» лишь на основании германского (англо-саксонского) *deorfan* и литовского *dirbti*, *dirbti*, что, как видно из приведенных выше примеров, не совсем верно.

⁶ См. соответствующий раздел словаря C. D. Buck, Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages, Chicago, 1949, pp. 489—490.

В пределах лексико-семантической группы, обозначающей возделываемый объект, для армянского и славянских языков устанавливается интересная изоглосса, обозначающая общее понятие *земли, поля*: ср. арм. *hol*, род. п. *holou* «земля, почва» и прасл. **pol'e* — *terga niscila, inagala* — «пустошь, открытое пространство» (в противоположность лесу); более позднее значение — «открытое пространство, годное для обработки» → «пахотная земля, пашня»: сербх. *пѡлје* «земля, равнина», с XIV века «обрабатываемая земля, пашня, нива», др.-рус. *поле* 1) «открытое пространство, степь, земля, равнина, 2) обрабатываемая земля»⁷. Как видно из приведенных примеров, данное понятие в славянских языках, в отличие от армянского, употреблялось и в специализированном значении, развитие которого относится к хронологически более поздней эпохе.

Из специализированных терминов, дифференцированных в земледельческом отношении, следует отметить два схождения. Одно из них обозначает возделываемое поле и восходит к и.-е. **ag(ə)* — «пахать»: ср. арм. *hagachuk* «возделываемое поле, пашня» и прасл. **ogŕjji*⁸, откуда обозначение *пашни* в славянских языках: ст.-сл. *ралия*, сербх. *рал*, *рали* «пахотная земля», словен. *gal* «пашня», др.-рус., рус. диал. (южн.) *ролья* «пахотное поле, пашня», укр. *рилля*, блр. *роля*, чеш. *goli*, польск. *gola*⁹. Если прав В. Махек¹⁰, восстанавливающий для праславянского первичную основу на *-av* — *>*ogavliā <*ogavriā*, то в данном случае имеется не только корневая близость, но и близость в словообразовании. Сюда же примыкают греч. *ἀρόρις* и лат. *arvus* «пахотная земля, возделываемое поле», образующие узкий ареал с армянским и славянскими языками. По значению с ними расходится кельтское (ирл.) *arbog* «хлеб в зерне», возводимое к этому же корню.

Второе схождение восходит к и.-е. **dei-* «драть, откалывать, расщеплять». От этого корня и в армянском, и в славянских языках образованы параллели, обнаруживающие корневую близость, со значением *целина, новь*: арм. *derev* «целина», прасл. **dogъ* «корчевье, новь»¹¹, рус. *дор* в том же значении, при первоначальном значении в ст.-сл. *дѣрѡ драти*, рус. *драть*¹². Видимо, в более позднюю эпоху произошла даль-

⁷ K. Moszynski, Pierwotny zasięg języka Prasłowiańskiego, Wrocław, 1957, str. 169.

⁸ Фасмер, т. III, стр. 307—309, Pokorny, S. 805.

⁹ A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1970, str. 462.

¹⁰ V. Machek, Μνήμη: χάρις. Gedenkschrift P. Kretschmer, 2, Wien, 1957, S. 22, und f.

¹¹ Фасмер, т. I, стр. 501; 2. *Цѣлина, новь*, *цѣлина* *цѣлина* *цѣлина* *цѣлина* *цѣлина*, I—VII, *цѣлина*, 1926—1935, 4. I, стр. 655.

¹² Древнейшим видом обработки земли у славян было так называемое подсечно-огневое земледелие. Обитавшие в лесах должны были корчевать деревья, сжигать корни и, таким образом, расчищать и одновременно удобрять почву (ср. прасл. **dogъ* «корчевье» и прасл. **tylo <*tyletl и tylenъ*). Древнейшие пласты праславянской лексики отражают особенности обработки земли, связанные с географической средой.

нейшая дифференциация значений, о чем свидетельствует рус. диал. *деревня* «пашня» (ср. др.-рус. *пашеть деревню*, Домостр. Заб. 59)¹³. Интересно, что арм. *degev* по характеру словообразования полностью совпадает со слав. *деревня*. В эту же семантическую группу входят и балтийские параллели: лит. *dirvonas* «пашня, оставленная под луг» и лтш. *druva* «пашня».

В остальных случаях армянский и славянские языки не обнаруживают близости, обозначение возделываемого поля относится к разным индоевропейским корням и образует ареалы с другими языками.

К примеру, специальное индоевропейское обозначение возделываемого поля **ag'-go-s* охватывает армянский, греческий, латинский и германские языки, не отражаясь ни в славянских, ни в балтийских¹⁴: арм. *arē* «возделываемое поле, нива», греч. *ἀρος* «нива, деревня», лат. *ager* «поле, нива», готск. *akrs* «поле, пашня», а также др.-инд. *arṣas* «поле, луг», не отражающее этого специального значения. Интересно отметить, что и.-е. **ag'-go-s* возводится к корню **ag-* «гнать (скот), в частности, гнать скот на пастбище»¹⁵, то есть в данном случае мы имеем дело с функциональным переходом скотоводческого термина в земледельческий¹⁶.

Славянские языки, в свою очередь, помимо вышеприведенного термина **ogъrj*, образуют другой ареал также вместе с греческим и латинским, где развились названия *нивы* из и.-е. **nei-* / **ni-* с суффиксом *uo* — ст.-сл., болг., др.-рус., рус. *нива*, словен. *njiva* и т. д. (во всех славянских), греч. *νεῖος* «возделываемое поле, нива» < **neiuos*, лат. *novalis* в том же значении.

Предполагают, что греч. *νεῖος* «пашня, нива» контаминируется со словом *νεος* «новый» так же, как и лат. *novalis*¹⁷.

Первоначальное индоевропейское значение **ni-* «вниз» сохранилось в армянском лишь в отдельных образованиях: арм. *nist* «сидение» < и.-е. **ni + zd* < **sed-* «сидеть» (ср. ст.-сл. *низъ*, «низ», др.-инд. *ni* «вниз», др.-в.-нем. *nidaī* «внизу»), но употребление и.-е. **ni-* применительно к возделываемому полю составляет особенность славянских, греческого и латинского языков.

Как видно из приведенных примеров, первоначальные признаки, легшие в основу обозначения возделываемого поля, самые разнообразные: (и.—е. **ar(ə)* — «пахать» → **ar(ə)u* — «пашня», и.—е. **ag-* — «гнать

¹³ О значении см. Потебня. Русский филологический вестник. Варшава. 1879—1918. 5, с. 127.

¹⁴ Ср. G. R. Solta, Die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogerm. Sprachen, Wien, 1960, S. 132.

¹⁵ Pokorny, S. 6.

¹⁶ Подобная двунаправленность термина в развитии значений наблюдается и в славянских языках: ср. прасл. **žeti*, **žьpъ* «жать» и **gъnati* «гнать скот на пастбище» < и.-е. **gъn-* — «бить, ударять».

¹⁷ HJ. Frisk, Griechisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1954, S. 298.

(скот) на пастбище" *ag'-go-s «возделываемое поле», и.-е. *nī— «вниз» → *neīco—s «нива»¹⁸.

При этом, если говорить о развитии значений, то можно сделать заключение о том, что специальное обозначение *нивы* соотносится с общим обозначением *поля*, как частное соотносится с общим: ср., например, и.-е. *ag'-go-s «возделываемое поле, нива», др.-инд. *ajras* «поле, луг»; арм. *and* «возделываемое поле» и тох. A. *ant* тох B. *ante* «равнина» < и.-е. *andh- «расти, зеленеть»¹⁹; прасл. *pol'e «равнина и поле вообще», также рус. «нива, возделываемое поле» и т. д.

Приведенные факты свидетельствуют о слабой дифференциации обозначения на индоевропейском уровне, а следовательно, лишь только о наличии начатков земледелия.

Среди сходжений второй группы — названий земледельческих орудий — можно отметить, в первую очередь, две генетически общие параллели, имеющие большое значение относительно характера индоевропейского земледелия — это названия зернотерки (жернова) и сохи (рала).

Название зернотерки (жернова) в большинстве индоевропейских языков является общим, охватывая наряду с армянским и славянскими также балтийский, древнеиндийский, германский и кельтский, для которых восстанавливают первоначальные праформы *g^hg^h-pi- и *g^hga^hō (n)²⁰. Развитие специального значения из и.-е. *g^heg- «тяжёлый» ограничивается только указанными языками, не охватывая латинский, греческий и иранские.

Установление тесной близости между армянским и славянскими языками зависит от правильной реконструкции армянской праформы. Если прав Мейе²¹, восстанавливающий праформу *g^hegu-па, то мы имеем ареальную связь между армянским, славянскими и балтийскими языками; ср. арм. *երկա* «жернов», прасл. *zъгновъ, ст.—сл. *жръны*, *жръновъ* м. р. «жернов», словен. *zгnāv*, рус. *жернов*, польск. *zаgпа* «ручная мельница» и т. д., др.-пруск. *gīrnoywis*, *gīrniwis*, лит. *gīrnos*, лтш. *dzīrņus*.

Согласно второму мнению (Педерсен, Ачарян, Джаукян и др.)²², армянский через праформу *kгaп < *g^hga^hпa обнаруживает наиболее тесные связи с древнеиндийским языком: ср. др.-инд. *grāvaп* «камень,

¹⁸ Ср. также ст.-сл. *село*, первоиз. «нива, пашня» < и.-е. *sel- «поселение, жилище», лат. *campus* < и.-е. *kampro-s «угол» < и.-е. *kam- «сгибать». Более поздним обозначением, относящимся к эпохе появления личной собственности, является кельтское *gori* «огороженный участок», ср. C. D. Buck, указ. соч., стр. 489.

¹⁹ G. R. Solta, указ. соч., S. 405—406; Pokorny, S. 40—41. Армянский и тохарский образуют эксклюзивную изоглоссу, не разделяемую другими языками: ср. др.-инд. *andhas* «растение, из которого получали сому», греч. *ανθος* «цветок».

²⁰ Pokorny, S. 476.

²¹ A. Meillet, *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*, 8, 159.

²² Ср. G. R. Solta, указ. соч., S. 150 und f.; B. Hорциг, *Членение индоевропейской языковой области*, М., 1964, стр. 209.

служащий в качестве пресса». В древнеиндийском, как указывает Шпехт²³, это слово имело культовое значение. Параллель разделяется и северными индоевропейскими диалектами: др.-ирл. *bṛap* «жернов, ручная мельница», кимр. *bṛeuaŋ* < *g²raŋ, готск. *qairpus* < *g²erəpu.

Возникновение общего названия для сохи (рала) могло произойти в индоевропейских языках в одно и то же время с возникновением общего названия для ручной мельницы²⁴. Почти во всем индоевропейском регионе это название восходит к корню *ar(ə)- «пахать»²⁵, рассмотренному выше. От этого корня с помощью суффиксов -*ro- и его вариантов -*dhlo- и -*dlo- еще в индоевропейскую эпоху образовывались существительные со значением *potina instrumenti*²⁶. По суффиксальному оформлению здесь можно выделить три ареала: 1) с суффиксом -*ro- арм. *araur* «рало, соха», греч. *ἄροτρον*, лат. *aratrum*, ирл. *arathár*, др.-исл. *ardr* в том же значении, 2) с суффиксом -*dhlo- прасл. *ordhlo, ст.-сл., болг., рус. *рало*, сербх. *ра́ло*, чеш. *radlo*, польск. *radło* и т. д. (во всех славянских); с суффиксом -*tlo-, который выступал в форме -*kla- в балтийских языках, лит. *arklas* «соха», лтш. *atklis* «соха, плуг»²⁷.

Таким образом, в отношении данного армяно-славянского схождения можно говорить как об общиндоевропейской изоглоссе, в широком ареале. Что же касается хронологии, то здесь благодаря различным употреблениям индоевропейских суффиксов речь может идти только о пранидоевропейском диалектном различии. Это схождение относится к числу древнейших слов, обозначающих культурные явления в жизни индоевропейского общества, возникших в ходе многовековой и даже тысячелетней эволюции.

Из других совпадений, имеющих косвенное отношение к рассматриваемой группе слов, следует отметить общее обозначение ярма. О том, что индоевропейцы умели использовать тягловую силу животных при пахоте, свидетельствуют как археологические, так и лингвистические

²³ F. Schpecht, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, begründet von A. Kühn. Berlin—Göttingen. 1937, S. 14 und f. далее—KZ.

²⁴ Ср. О. Шрадер, *Сравнительное языкознание и первобытная история*, СПб., 1886, стр. 194.

²⁵ Этот корень не представлен на востоке индоевропейского региона: ср. авест. *karsh* «пахать».

²⁶ Pokorny, S. 6; Фасмер, т. III, стр. 439.

²⁷ Появлению рала в различных регионах предшествовал длительный период использования примитивных пахотных орудий, в частности, мотыги, что подтверждается весьма выразительными археологическими и лингвистическими данными. Племена, населявшие при неолите бассейн Дуная в Центральной Европе, применяли мотыги с каменными наконечниками: V. G. Child, *Progress and Archaeology*, London, 1945, p. 48; Р. В. Шмидт, *О мотыге в античном сельском хозяйстве* («Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 9—10, стр. 43).

данные²⁸. Ср., например, общендоевропейское обозначение ярма, которое находит соответствие в армянском и славянских языках: и.-е. *jugom-«ярмо» < *jeu- «связывать», арм. iuc («i» под влиянием iuca-пет «распрягать»)²⁹, прасл. *jъgo, jъgo, ст.-сл.: *уго* (и т. д. во всех славянских), лит. jūhgas «ярмо», лтш. iugt, греч. ζυγόν, лат. iugum, др.-инд. jugam, нов.-перс. juу, готск. iuk, др.-в.-нем. juh то же. Поскольку данное слово имеет распространение почти во всем индоевропейском регионе, то здесь не приходится говорить (так же, как в случае арм. агауг и прасл. *ordhlo) о близких армяно-славянских связях, тем более, что имеются и формальные расхождения (ср. начало слова).

Закончим анализ семантической группы слов, обозначающей земледельческие орудия, указанием на два случая параллельного развития значений — возникновение новых культурных понятий на основе более широкого и общего исходного значения. Из и.-е. *bher- «действовать острым орудием, резать, колоть» > арм. brič^c «мотыга, заступ», болг. брана, сербх. брана, рус. борона, польск. broпа и т. д.³⁰ (ср. с греч. τριβω «вспахиваю»)³¹.

Из и.-е. корня *k'akha «согнутая ветвь» в славянских языках развилось специальное значение *соха*, первоначально «палка с развилкой, ветвь»³² (ср. с готск. hoһа «плуг», восходящим к этому же корню). В армянском, праформа которого не совсем ясна (*skakha- или *ksakha-) и для которой предполагают даже заимствование³³, нет такой специализации значения. Однако, наряду с древнеармянской формой с'ах «ветвь, сук», существует и диалектное с'ак'ап «борона», явно связанное с этим корнем³⁴.

В связи с развитием земледелия, охватывающим значительный период времени, естественно, происходит формирование земледельческой

²⁸ Ср. лат. agmenium «рабочий скот, используемый на пашне» < и.-е. *ag- «пахать». Сюда же примыкает интересная латинско-славянская параллель: лат. bigae «двойная упряжка» < *d̥i-ǵai, прасл. *dvъigo (словин. dvīgo «ярмо для двух волов»); О. Н. Трубачев, Заметки по лехитской этимологии («Исследования по польскому языку», М., 1969, стр. 305).

²⁹ В древнеармянском языке индоевропейского происхождения и слово, обозначающее часть упряжи: и.-е. *k'et- / *k'at- «палка, штанга, рог», арм. sənik^c «притыка в ярме», по значению ср. с авест. sīta «часть упряжи», при греч. χμας «палка, стержень, тычина», др.-инд. samuā «палка, стержень»: Рокогпу, S. 556.

³⁰ В славянских языках из корня *bher- образовано и слово *борозда* — углубление в земле, образуемое при оранки: прасл. *borzda—sulcus (ст.-сл., болг. *бразда* рус. *борозда*, польск. bruzda, чеш. brazda и т. д.), наличие диал. *брэзда* дает возможность постулировать очень архаичную форму *berzda < *bher-.

³¹ Рокогпу, S. 523; Фасмер, т. I, стр. 196.

³² Первобытный плуг сплошь состоял из дерева (тротров хй-бъизв, пххтхв аротров (Гесиод); в древнейшее время этот первобытный плуг был просто крючковатой палкой, суком дерева. Помимо слав. *соха*, ср. др.-инд. srapda—«дерево» и греч. σπιδιτρξ тротров (Гесиод).

³³ Рокогпу, S. 523; *Цзшишъ*, VI, стр. 1054—1055.

³⁴ Ср. Г. Б. Джаукян, Очерки по истории дописьменного периода армянского языка, Ереван, 1967, стр. 178—179.

терминологии — появляются специализированные обозначения определенных действий — сева, пахоты, жатвы, молотбы и т. д. Они, как правило, возникают на основе обозначений действий более общего свойства — со специализацией первичного значения.

Наиболее важным соответствием в этой группе слов является параллель, отражающая процесс раздробления, размалывания зерна; индоевропейским обозначением этого действия является глагольный корень *mel- «молоть», представленный в большинстве индоевропейских языков, в том числе в армянском и славянских: прасл. *melti, ст.-сл. *мельф*, *млѣти*, сербх. *млѣти*, рус. *мелю*, *молоть* и т. д. лит. *malu* *maliaũ*, лат. *molō*, *-are*, др.-в.-нем. *malan* «молоть», др.-ирл. *melim*, др.-инд. *mṛṇati* в том же значении, арм. *malen* «раздроблять, крошить», *mlmlem* «растирать», *imel* «пыль», *mlelem* «распылять» и др.

Как видно из приведенных примеров, в славянских языках сочетается широкое и развитое на его основе специализированное значение, в то время как в армянском глаголы, восходящие к этому корню, не имеют специального значения «молоть зерно». Для обозначения этого действия армянский вместе с греческим употребляет глагол *alam* «мелю» < н.-е. *al- «молоть»³⁵, греч. *ἀλέω* «молоть». Однако специализированное значение не чуждо и армянскому, проявляясь в таких дериватах и сложениях, как *mul* «мельница» < *mōl-, *mlalas* «мельник» и с некоторой оговоркой *matul* «пресс» (по значению ср. с рус. *мельница* и *мельник* < *mel-). Это значит, что в эпоху индоевропейской общности армяне, наряду с более употребительным в этом значении корнем *al-, применяли и корень *mel-, который также относился к действию «молоть».

В остальных случаях между славянскими и армянскими языками либо нет общих специализированных слов (глаголов) для обозначения сельскохозяйственных действий, либо их можно выявить только в дериватах, восходящих к общему корню.

Как было показано при анализе обозначений сельскохозяйственных орудий, армянский и славянские языки сохранили название сохи (рала), восходящее к н.-е. *ag(ə)- «пахать», при этом в армянском отсутствует глагол, восходящий к этому корню, тогда как славянские языки развили и значение «пахать» (ср. ст.-сл. *орати*, болг. *ора*, сербх. *орати*, рус. *орать*, польск. *oras'*, чеш. *orati* и т. д.)³⁶.

В другом случае, если славянские языки сохранили н.-е. *g̑hen- «бить» и одновременно развили значение *жать* (косой или серпом) — ср. прасл. *zeti, ст.-сл. *жьньф*, *жѣти* и т. д., то армянский подобного значения не имеет (ср. арм. *gan* «удар» < н.-е. *g̑hen-). Напротив, если от корня *geu- «течь» армянский развил специальное значение *орошать* — арм. *atogapel*, *ogogapel*, то славянские сохранили лишь общее значение — прасл. *strumy «поток, ручей».

³⁵ 2. *Исследования*, т. I, стр. 118.

³⁶ Фасмер, т. III, стр. 148.

Некоторые глаголы и в армянском, и в славянских языках вторичного характера, связанные с определенными орудиями: арм. *biġ* «мотыга» > *hġel* «копать», рус. *борона* > *боронить* < и.-е. **bher-* «резать острым орудием, колоть».

Более или менее достоверных параллелей в группе слов, обозначающих результаты обработки, в том числе названий культурных растений и полученных из них продуктов, не наблюдается.

Можно отметить лишь два возможных схождения, при этом этимология армянских слов вызывает сомнение: 1) колос, ость: и.-е. **ak'-*, **ok'-* «острый», арм. *hask*³⁷ «колос», ст.-сл. *ость*, готск. *ahs* «колос», др.-исл. *ax*, др.-в.-нем. *ahig* в том же значении, греч. *αυρον*, *αυρη* «мякина». Второе схождение относится к общему семантическому полю, отражающему и.-е. корень **pek-* — «варить, печь, жарить»: арм. *has* «хлеб»³⁸, ст.-сл. *пекѹ* «пеку», *печенъ* «печеный», лит. *kerū*, *kėpti* «печь», др.-инд. *pacati* «варит, печет, жарит», авест. *pačalti*, греч. *πάζω* «варю», алб. *rjek* «пеку», др.-англ. *afiseþ* «поджаренный»³⁹. Для протоармянского возможно восстановление первоначального значения «что-то печеное»⁴⁰.

Вышеприведенный материал в сопоставлении со всем комплексом смежных данных дает основание для следующих общих выводов.

1. Изучение армяно-славянского материала в области сельскохозяйственной терминологии выявляет лишь ограниченное количество генетических схождений, не образующих при этом тесных ареальных связей. Сюда относятся обозначения: *пахотной земли* и *целины* (арм. *haġavunk* < прасл. **orlji*, арм. *derev*, прасл. **dorъ*), *жернова* и *рала* (арм. *erkaþ* прасл. **zъpnovъ*, арм. *araur*, прасл. **ordhlo*), *размалывания зерна* (арм. *malel*, прасл. **melti*).

Такую скудость при наличии обилия схождений в других областях⁴¹ можно объяснить, во-первых, тем, что в период индоевропейской общности, по-видимому, не было еще развитого земледелия. В этом отношении очень характерно отсутствие общих названий для культурных

³⁷ Этимология Г. Б. Джаукяна: Г. Б. Джаукян, указ. соч., стр. 241.

³⁸ В отношении армянского *has* «хлеб» имеются и другие точки зрения. Х. Педерсен (Armenisch und die Nachbarsprachen — KZ. 39, 1906, S. 432) сопоставляет с греч. *πάειναι* «есть, кушать», готск. *fodjan* «кормить», реконструируя праформу **pat-ti*, Walde-Hofmann (Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1938, II, S. 146) сопоставляет арм. *has* с лат. *pans* «хлеб», давая праформу **pa-sko* или **pas-ski*, Ernout-Melliet (р. 479) дает сходное объяснение, устанавливая праформу **pa-ski* или **paski*. Имеются и другие точки зрения.

³⁹ Фасмер, т. III, стр. 227; Pokorny, S. 798.

⁴⁰ Обозначения хлеба в различных и.-е. языках, как можно видеть из фрагментарного описания К. Бака (Buck, p. 356—358), позволяют семантически связать слово «хлеб» с семантическим полем «кормить, питать, есть».

⁴¹ Ср. наши статьи: Л. А. Сараджева, Индоевропейская животноводческая терминология и ее отражение в древнеармянском и славянских языках, «*Голоса из древности*» (в печати); ее же, Сравнительно-типологическое исследование индоевропейской ботанической терминологии в древнеармянском и славянских языках (в печати).

растений. Каждая из рассматриваемых групп языков имеет свои собственные пути развития основной массы земледельческой терминологии, в частности, культурных растений и сельскохозяйственных орудий. Несколько более тесными были связи протоармян и протогреков, что можно объяснить как более тесными контактами в эпоху общности, так и наличием контактов в начальный период после ее распада (ср. эксклюзивную армяно-греческую изоглоссу арм. *alam* «мелю» и греч. *ἄλῃς* «молоть» < и.-е. **al-* «молоть», а также обозначение муки, восходящее к этому же корню: арм. *aleug*, греч. *ἀλεύρον* «мука»).

2. Праславяне после распада индоевропейской языковой общности находились в контактах с центральноевропейским ареалом, который занимали протобалты, протогерманцы, протокекельты и протоиталики.

Это подтверждается обширными лексическими совпадениями в сельскохозяйственной терминологии: прасл. **bobъ* — *Vicia faba*, др.-прус. *babo*, лат. *fabā* то же, прасл. **gorchъ* — *Pisum sativum*, лит. *gaĩšas* — *Angelica* бот. «сорная трава», прасл. **zъrнo*, лит. *zirnis*, «горошина», лтш. *ziņns*, др.-прус. *syrne* «зерно», готск. *kaurn*, лат. *granum* «зерно, ядро», при др.-инд. — *jīṇas* «трухлявый, растертый», прасл. **lъnъ* — *linum*, лит. *linas*, лтш. *lins*, ст.-прус. *linno*, греч. *λίνον*, лат. *linum*, др.-в.-нем. *līn*, нем. *Lein*, алб. гег. *līni*; прасл. **ovъsъ* — *Avena* «овес», лит. *aviza*, лтш. *auza*, др.-прус. *wyse* «овес», лат. *avēna*; прасл. **pyrъ*, **pyro* — *Triticum spelta* — «сорт озимой пшеницы», лит. *puras* «зерно озимой пшеницы», лтш. *pūrī* «озимая пшеница», греч. *πύρος* «пшеница»; прасл. **гъзь* — *Secale* «рожь», лит. *rugys*, лтш. *rudzīs*, др.-прус. *rugis*, др.-исл. *rugr*, др.-сакс. *roggo* в том же значении; прасл. **sekyra* «топор», лат. *securis* то же, др.-в.-нем. *segansa* «коса», алб. *shat* «кирка, мотыга», прасл. **plugъ* < нем. **pflug* «плуг» и т. д.

По мнению исследователей⁴², в то время, когда анатолийский, индоиранский, армянский и греческий уже отделились от остальных индоевропейских и развивались как самостоятельные, полностью оформившиеся языки, «италийский, кельтский, германский, славянский, балтский и иллирийский представляли в своем развитии более или менее единообразную и находящуюся в постоянных контактах группу»⁴³. Бесспорно, что именно к этому периоду и относится вышеприведенная земле-

⁴² H. Krahe, *Sprache und Vorzeit*, Heidelberg, 1954; idem. *Die Struktur der alteuropäischen Hydronimie*. In: *Akademie der Wissenschaft und der Literatur, Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse*, Wiesbaden, 1967, № 5, idem. *Unsere ältesten Flussnamen*, Wiesbaden, 1964. О. Н. Трубачев, *Ремесленная терминология в славянских языках*, М., 1966.

⁴³ H. Krahe, *Germanische Sprachwissenschaft, I. Einleitung und Lautlehre*, Berlin, 1960, S. 13. Изучение славяно-италийских контактов началось с работ Я. Сафаревича: J. Sáfarewicz, *Ze związków słownikowych słowiańsko-italijskich*. *Czasopismo — Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Spławinski*, Kraków, 1963; idem *Przedhistoryczne związki językowe italsko-słowiańskie* («Rocznik sławistyczny», XXIII, cz. I, 1964). См. также: О. Н. Трубачев, *Несколько древних латинско-славянских параллелей. Этимология* 1973, М., 1975; В. В. Мартынов, *Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия*, Минск, 1978.

дельческая терминология, объединяющая славянские языки с центрально-европейским ареалом. К этому же времени относятся и тесные контакты праславян с италийскими племенами.

3. Прогоармяне, отделившись от остальных индоевропейцев, очень рано вступили в контакты с древними земледельческими народами Передней Азии и восприняли все важнейшие достижения их высокой цивилизации, что привело к широкому потоку заимствований: ср. *agarak* «пашня, деревня», *štemaraṇ* «зернохранилище, житница», *herkel* «пахать» (из и.-е. источника?), *akaws* «борозда», *rorel* «копать», *tarak* «борона», *und* «семя», *kam* «молотильная доска», *kal* «гумно», *aḥar* «полба», *xaṭol* «виноград», *gut'an* «плуг», *horc* «лемех», *soṛean* (из и.-е. источника?). Наряду с этим происходил процесс специализации слов индоевропейского происхождения: *seṛmanel* «сеять» < *seṛm* «семя» от и.-е. *k'eg- «расти».

4. После распада индоевропейской общности протоармяне и протославяне оказались в различных экологических зонах и ареалах⁴⁴, что способствовало появлению терминологии, отражающей новые условия жизни: арм. *algi* «виноградная лоза» < *oluna- из и.-е. *ei-uo- «тис», арм. *aroganem*, *ogoganem* < *roṇ- из и.-е. *steu- «течь».

5. Изучение армяно-славянских лексических схождений в области земледельческой терминологии, помимо сравнительно-исторического аспекта, имеет значение также и для выявления некоторых общих закономерностей семантических переходов. Можно констатировать, например, и общие типологические черты. Влияние одинаковых условий (внешних факторов) способствует одинаковым типологическим переходам (ср. рус. *мельник*, *мельница*, арм. *mlalac*, *mul* в том же значении от и.-е. *mel-* «молоть»). В армянском и славянских языках отражен переход скотоводческих терминов в земледельческие в связи с процессом перехода индоевропейских племен от скотоводства к земледелию: ср. и.-е. *tag-* «гнать (скот) на пастбище» > *ag'-го «возделываемое поле» > арм. *arṭ* «нива»; и.-е. *g'ne-* «бить, гнать, ударять» > прасл. *g'ynati «гнать скот на пастбище» и *zeṇ «жать».

В некоторых случаях обнаруживаются независимые друг от друга общие семантические переходы, обусловленные одинаковым направлением в восприятии процессов: и.-е. *bher- «резать, колоть» > арм. *bric* «мотыга» и прасл. *bogna «борона».

Армяно-славянские схождения в области земледельческой терминологии, несмотря на свою ограниченность, способствуют выявлению относительной хронологии древнейших диалектных связей внутри индоевропейского и позволяют сделать выводы о ранней предыстории протоармян и протославян.

⁴⁴ На основании метода глоттохронологии Г. Б. Джаукян пришел к следующим выводам: распад общности, к которой принадлежали протоармяне и протославяне, относится приблизительно по списку из 215 слов к началу III тысячелетия до н. э., по списку из 100 слов — к концу третьей четверти того же тысячелетия: Г. Б. Дж а у к я н, указ. соч., стр. 325.

ՀԱՅԻՆՎՐՈՊԱԿԱՆ ԵՐԿՐԱԳՈՐԾԱԿԱՆ ՏԵՐՄԻՆԱՐԱՆՈՒԹՅԱՆ
ՐԱՐՐԱԹԱՅԻՆ ՓՈՓՈԽԱԿՄԱՆ ՀԱՐՅԻ ՇՈՒՐՋ
(Հայերեն և սլավոնական լեզուների նույնի հիման վրա)

ԼՅՈՒԴՎԻԴԱ ՍԱՐԱՋԵՎԱ

Ա մ փ ո փ ու մ

Գյուղատնտեսական տերմինաբանության բնագավառում հայ-սլավոնական նյութի ուսումնասիրությունը բացահայտում է միայն սահմանափակ թվով ծագումնային զուգադիպումներ, որոնք տարածքային մերձավոր կապեր չունեն։ Դրանք վարելահողի և խոսպանի (հայ. haravunk^ε, նախասլավ. *orlъj, հայ. derev, նախասլավ. *dorъ), երկանքի և արորի (հայ. erkan, araur, նախասլավ. žernovъ, *ordhlo), հացահատիկ աղալու (հայ. malel, նախասլավ. *melli) նշանակումներն են։ Նյութի այդպիսի աղքատությունը, այլ բնագավառներին պատկանող զուգադիպումների (օրինակ՝ անասնապահական տերմինաբանության) առատության պայմաններում, պետք է բացատրել, հավանաբար, նրանով, որ հնդեվրոպական միասնության շրջանում զարգացած գյուղատնտեսություն չի եղել։ Այնուամենայնիվ, հայ-սլավոնական գյուղատնտեսական տերմինների վերլուծությունը նպաստում է հնդեվրոպական հնադույն բարբառային կապերի հարաբերական ժամանակագրության որոշմանը և հնարավորություն է տալիս եզրակացություններ անելու հայերի և սլավոնների նախապատմության վերաբերյալ։